

# Историческая наука и задачи профессионального сообщества

---

© 2012 г. А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ\*

## К КРИТИКЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОМАНТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

---

Конфликт традиции и новизны – неотъемлемая составляющая процесса модернизации. Он порождает раскол в обществе, следствием которого становится появление полярных идеологических воззрений – идеальных типов общественного переустройства, неизбежно связанных с романтическим приукрашиванием реальности. Романтика как сложное явление, возникшее во второй половине XVIII в., была продуктом интеллектуального протеста против Французской революции, Просвещения и рационализма, индустриального развития и модернизации. Политическая романтика как часть этой традиции воплотилась не только в искусстве, но и в теории и практике, отрицавших возможность каких-либо окончательных рациональных, нейтральных, беспристрастных рамок и образцов мышления, социальной организации или поведения. Это движение провозгласило концепцию иррационального политического действия, основанного на представлениях о добре и зле, справедливости и несправедливости, рациональном и интуитивном поведении, пассивном и активном участии, значении случая и культе романтических героев. Этот корпус идей многократно воспроизводился в периоды революций и контрреволюций и в измененных формах сохранился до настоящего времени.

Главными предпосылками романтической мысли являются противоречия между социальной реальностью и социальным идеалом, глубокая неудовлетворенность этой реальностью и поиск путей ее преодоления. По существу, революционный романтизм преобладал в периоды разрушения Старого порядка, а консервативный – в периоды Реставрации, контрреволюции и постреволюционной стабилизации. Обе формы романтического подхода сходны в своих эвристических основаниях – отрицании рационализма, доказательного знания и эмпирических исследований ради идеализированной картины мира, но они принципиально различны в концепциях будущего и методах его создания. Феномен консервативной политической романтики получил распространение в постсоветской России как реакция на быстрые и конвульсивные изменения после крушения коммунизма и Советского Союза.

Мне представляется актуальным переосмысление теоретических основ, историографического и политического значения этого движения в современных российских условиях и в будущем. При этом можно выделить целый ряд параметров анализа: роль политической романтики в создании постсоветского глобального видения реальности; ее идеи по разрешению современных конфликтов и вызовов; реконструкция национальной исторической памяти; программа политических и конституционных реформ; вклад

---

\* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, главный редактор журнала «Российская история».

В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на международной конференции «Власть и легитимность: вызовы из России» (Стокгольм, 15–16 апреля 2011 г.)

консервативной романтики в социальное конструирование реальности; противоречия и возможные результаты практического применения этой доктрины; вызов, брошенный романтикой научному познанию. В центре моего анализа находится, таким образом, не описание индивидуальных вариаций этого движения (тем более, что его активисты очень часто оказываются в острых разногласиях между собой), но идеологический феномен как таковой в его теоретических основаниях, концептуальных инструментах, социальных инициативах и потенциальных политических следствиях.

### *Политическая романтика и создание постсоветского видения реальности*

Феномен глобальных коммуникаций отделил индивида от первичных источников информации, в результате чего наблюдаются последовательный и беспрецедентный количественный рост информационных ресурсов общества, с одной стороны, и регресс в качестве информации – с другой<sup>1</sup>. Манипулятивные технологии основываются на создании искусственного образа реальности как комбинации элементов доказательного знания и эмоциональных суррогатов. Результатом их широкого использования становится рост отчуждения и фрустрации в обществе, которые, в свою очередь, выступают основанием для новых форм индивидуальной и массовой мобилизации. Романтизм как упрощенный объяснительный инструмент и в то же время как эмоциональная реакция на фрустрацию переходного периода является главным когнитивным ответом на этот социальный запрос. С этой точки зрения становятся вполне объяснимыми раздражение романтиков против общепринятой научной терминологии, идея создать принципиально новую когнитивную ориентацию и даже новую систему понятий и определений (в форме «православной социологии», «русской политической науки», нового языка гуманитарных дисциплин в противоположность интернациональным представлениям о них). Как отмечал К. Шмит, политическая теология романтики исторически тяготела скорее к дискуссии без решения, чем к решению без дискуссии<sup>2</sup>.

Специфические черты консервативной мысли не слишком сильно изменились со времен Ж. де Местра, Ф. де Шатобриана и Э. Берка, немецких романтиков периода «Бури и натиска» и русских философов и писателей XIX – начала XX в. Сходным образом современная российская неоконсервативная политическая идеология, противостоящая революционной романтике, имеет следующие руководящие принципы: историзм (ретроспективная ориентация) против рационализма (перспективная ориентация); конкретный подход против абстрактного логического подхода; эмоциональный и страстный подход против нейтральной, незаинтересованной и свободной от оценок интерпретации действительности; религиозные и моральные ценности против светских и рациональных; иерархия против демократической структуры общества; исторический пессимизм против оптимизма; скептицизм в отношении социальных изменений, вызванных глобализацией, модернизацией и вестернизацией. В то же время неоконсервативная романтика не тождественна традиционному консерватизму в отношении идеологии и социальных приоритетов. Множественность ее проявлений делает затруднительным конструирование ее «чистой» формы в российском историческом контексте. На современной стадии развития российской историографии и политической науки мы имеем детальную интерпретацию всех течений исторического консерватизма<sup>3</sup> в его отношении к либерализму<sup>4</sup> и русской постреволюционной эмигрантской мысли<sup>5</sup>. Реконструированы все политические проекты дореволюционных российских консерваторов, равно как их практическое применение в период Думской монархии и русской революции<sup>6</sup>. Программные документы консервативных партий также интенсивно исследуются<sup>7</sup>. Обобщением этих исследований стал многотомный издательский проект по истории общественной мысли<sup>8</sup>. В то же время современная консервативная политическая романтика является не прямым продолжением классических консервативных концепций, а скорее их «римейком» в изменившейся социальной ситуации<sup>9</sup>.

Ее отличительной особенностью является комбинация консервативной романтики с другими идеологиями (либерализмом, социализмом и национализмом) и сплав раз-

личных идеологических постулатов с целью преодоления разрыва между реальностью и идеалом. Крайние правые и левые тенденции романтизма объединяются в очень взрывоопасной форме социального протеста (что проявляется в новой интерпретации коммунизма как сущности российского традиционализма). Идея «консервативной революции» как отражение этого противоречивого постсоветского феномена есть «противоречие в определении» с точки зрения классической консервативной мысли. Агрессивные формы консервативной романтики можно считать результатом отсутствия реального обмена информацией, отчуждения индивида и поиска простых решений в сложной ситуации, формой сублимации социальных невротизмов. Но каково же реальное содержание новых романтических концепций, почему они так влиятельны в историографии, какие политические стратегии, правовые и институциональные инновации могут ассоциироваться с этим типом сознания?

### ***Концепция цивилизации: современные конфликты и вызовы***

Такие современные вызовы как рационализм, национализм, демократия, информация и модернизация рассматриваются и критикуются русскими консервативными романтиками в рамках концепции «Российской цивилизации». Существует много типологий цивилизации, основанных на различных критериях: религиях (православная, исламская, буддистская и др.); регионализации в глобальных рамках (европейская, азиатская, африканская, евразийская), месте в глобальной системе коммуникаций и распределении технологий (центральные и периферийные цивилизации), расовых и национальных различиях; имперской государственности. Неопределенность термина создает возможность для разных выводов о том, чем является «Российская цивилизация».

Подход с позиций теории «конфликта цивилизаций» к ситуации глобализации используется романтиками для интерпретации российской культурной и геостратегической уникальности. Россия предстает не как часть европейской цивилизации, но как самостоятельная цивилизация, несравнимая с другими. Если исходить из того, что геополитические интересы являются решающим фактором исторического развития, то следует также признать, что они приобретают еще большую важность при разработке политических и военных конфликтов новейшего времени. Логика этого подхода включает три главных предпосылки: существуют постоянные и в принципе неизменные интересы цивилизаций (или империй); главный конфликт разворачивается между «глобальным Западом» (Западная Европа, США и их союзники) и «глобальным Востоком» (все другие страны); этот конфликт достиг своей высшей точки после коллапса Советского Союза и разрушения биполярной конструкции международной безопасности. Историческая миссия российской цивилизации, следовательно, состоит в обороне от постоянных геополитических противников.

Популярная концепция империи как другой объясняющий инструмент используется для интерпретации этой борьбы в понятиях соревнования России или СССР с империями Запада – от варяжского вторжения (предмет долгих, непродуктивных и незаконченных дебатов в российской историографии) через военные конфликты в прошлом к современным политическим переворотам («цветные революции», интерпретируемые как происки Запада). Россия, согласно данной логике, имеет не постоянных союзников, а только постоянных противников. Империализм, фашизм, коммунизм в прошлом, европеизация и глобализация – в настоящем, согласно этому подходу, являются не продуктами мирового развития, а изощренными инструментами разрушения российской идентичности.

Основу такого мировоззрения составляет очень упрощенное восприятие Запада и Востока без дифференциации между нациями и государствами с их особыми интересами<sup>10</sup>. Антиамериканизм является наиболее заметной частью данной системы идей. Если история мира была историей войн – то же самое справедливо для будущего. Сегодня эта перманентная война не закончилась, она только изменила свой харак-

тер – информационные войны имеют столь же разрушительный политический эффект как и традиционные конфликты. Наиболее важный пример для сторонников подобного взгляда – разрушение СССР якобы с помощью изощренных технологий «мягкой силы». Изменились формы соревнования между нациями, но не сущность – от прямого диктата сверхдержавы к идее скрытого мирового правительства, глобальной финансовой олигархии или организации злонамеренного международного заговора против российской цивилизации. Реальный ответ на этот вызов видится в создании новой империи.

### *Вечное возвращение к архетипам: место России между Западом и Востоком*

Вопрос о месте России между Западом и Востоком был центральным во всех дискуссиях между славянофилами и западниками, народниками и марксистами, либералами и консерваторами в постсоветской России. Эти дебаты оказали существенное влияние на интернациональную историографию<sup>11</sup> и стали частью политических споров в постсоветских странах Центральной и Восточной Европы<sup>12</sup>. Решающий аспект этой полемики состоит, как представляется, в установлении отношений между когнитивными и технологическими параметрами модернизации на уровне центральной и местной культур<sup>13</sup>. Консервативно-романтическое видение проблемы заключается в принятии технологического аспекта модернизации при исключении ее когнитивного и ценностного аспекта. Это означает, что модернизация не включает европеизации («вестернизации») и должна быть реализована в консервативной форме для защиты традиционных ценностей общества. Порочный круг консервативно-романтической мысли может быть проиллюстрирован предложенной повесткой реформ – обеспечить изменения без реального смещения ценностей и сознания, как это, по мнению представителей данного направления, имеет место в фундаменталистском Иране, коммунистическом Китае, на Кубе, в Северной Корее или в Венесуэле – странах, сохранивших свою собственную национальную «идентичность» и соответствующее пропорциональное представительство аутентичных идей в глобализирующемся мире.

Следует принять во внимание три главные предпосылки этого вывода: 1) метафизическая идея постоянных ценностей и особенностей каждой цивилизации, которые не могут произвольно меняться без угрозы ее разрушения; 2) жесткое разграничение моральных и правовых типов социального существования – наивная идея о том, что российский народ является носителем принципа справедливости (коллективизм, взаимная помощь) в противоположность западной формально-правовой культуре, основанной на частном праве и судебном установлении истины; 3) холистический или интегралистский подход к отношениям общества и государства в России (в противоположность Западу), которые основаны не на правовом контракте (или формальной Конституции), но на неформальном (и религиозном по природе) механизме саморегуляции и самостабилизации – «симфонии» между главными социальными акторами и государственной властью. Основное допущение для этой конструкции имеет религиозное происхождение и интерпретируется в категориях подчинения и коллективного спасения вместо католического или протестантского индивидуального спасения через договор, заключенный с Богом.

Романтическая идеализация российской специфики – это не только форма постсоветской ностальгии<sup>14</sup>. Новая политическая теология включает архаические идеи как способ квазинаучного объяснения. Идея закрыть общество от деструктивных компонентов глобализации имеет практические следствия: отрицание правовых форм разрешения конфликтов, апология автаркичного (закрытого) государства и использование фильтрации информации или различных концепций цензуры. Эти идеи были взяты постсоветскими романтиками из западного консервативного наследия и могут быть обнаружены во всех модернизирующихся странах Европы, Латинской Америки, Азии, которые экспериментировали с «управляемой демократией» или авторитарной модернизацией.

## *Пересмотр национальной исторической памяти*

Романтическая реконструкция исторической памяти включает три идеи: релятивистскую социальную эпистемологию; национализм как главный ценностный ориентир; концепцию историзма как ключевого инструмента анализа в сочетании с глубоким антропологическим скептицизмом.

Первая идея состоит в том, что историческая память не обязательно должна основываться на проверенном знании или опыте, а представляет собой искусственно созданную конструкцию, которая легко может быть изменена в случае необходимости. Историческая память, следовательно, есть область постоянной конкуренции между различными «нарративами» и «проектами». Некоторые из них востребуются национальным сознанием, другие – не воспринимаются и неприемлемы для него. Такие «проекты» как Просвещение, капитализм, глобализация, теория прав человека являются продуктами Западной цивилизации и не могут транспортироваться в другие части мира.

В очевидном противоречии с консервативной постмодернистской философией историзм провозглашается другим ключевым методом аргументации в отношении не только общей ретроспективной ориентации социологической теории, но и романтической идеализации будущего как возврата в прошлое. Это означает поиск объяснения текущих социальных событий в «национальном духе» теоретических конструкций Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, И.А. Ильина, «Вех» и проч.<sup>15</sup> Для многих ученых, даже стоящих на вполне академических позициях, стало очевидно, что «главные идеологемы» русской истории – «Москва – Третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность» и «марксизм-ленинизм» – сходны по структуре, духу и социальным функциям. Вывод состоит в том, что «русская идея» является фундаментально антимодернистской и антизападной<sup>16</sup>. Эта интерпретация фаталистична, поскольку подразумевает идею национального предопределения или всемирной миссии, которая не может быть изменена. С этих позиций Россия якобы вынуждена следовать раз установившейся исторической «колее», альтернативные пути выхода из радикальных кризисов невозможны, равно как и вариативность сознательно конструируемых исторических форм<sup>17</sup>. Российская государственность не может быть сравнима ни с европейскими, ни с азиатскими странами. Идея исторической миссии коррелирует с идеей «особого пути» исторического развития, предопределенного инвариантами российской политической культуры<sup>18</sup>. Среди них указываются следующие: география страны (бедная земля и плохой климат как объяснение экстенсивных форм агрикультуры); нестабильные границы (внешние вторжения и колонизация); особый тип социальной организации (крестьянская община и крепостное право); постоянная борьба между обществом и государством; соединение прав собственности и административного контроля в руках бюрократии; специальные социальные функции деспотического государства. Эти исторические тенденции действительно определяли формирование российской государственности в прошлом, но, как было показано классической российской историографией, утратили свой абсолютный характер в Новое время и определено не должны преувеличиваться в современной истории<sup>19</sup>.

Национальная идея в качестве важного романтического клише интерпретируется в широком смысле как самоидентификация нации<sup>20</sup>. Она является феноменом массовой культуры, «коллективного бессознательного», искусственно созданным проектом – комбинацией образов прошлого и будущего. Это алхимия власти. Конструирование нации и полноценное проявление националистических чувств – другая озабоченность этого интеллектуального движения и ключевой элемент текущих дебатов между различными его ответвлениями. Никто не знает, однако, как эта идея может быть сформулирована и кем.

Концепция нации и «национального интереса» является очень противоречивой. Неясно, что имеется в виду: гражданская нация, этническая нация, комбинация обоих, или некоторая сверхнациональная идентичность; нация как воплощение государства

(или империи) или соперник «незавершенного» государства; нация как реальный исторический феномен или социологическая фикция. Но каким образом «русский фактор» сочетается с национальным многообразием страны; как национализм и демократия коррелируют друг с другом; как должна проводиться национальная политика и осуществляться противостояние центробежным тенденциям? В рамках консервативной романтики адекватных ответов на эти вопросы нет. Предлагаемые решения основаны на чрезвычайном упрощении национальной реальности в прошлом и настоящем, схематично постулируемом противопоставлении интеграции и дезинтеграции без какого-либо специального внимания к федерализму, регионализму, деволюции или культурной и административной автономии как различным формам компромисса в отношениях центра и периферии.

Концепция «особого пути», предложенная современными консервативными романтиками как главный объяснительный инструмент, имеет много общего с немецкой метафизикой XIX и начала XX в.<sup>21</sup> Представленные конструкции поразительно сходны с концепциями «незавершенной нации», «воли государства», «государства как юридического лица» и проч.<sup>22</sup> Сходным образом утверждается, что Россия как «православная цивилизация» не может интерпретироваться с помощью рациональных аргументов, созданных западной мыслью для иной социальной реальности и измеряться сравнимыми критериями. Все доминирующие линии исторического процесса в ней смещены, а заимствованные западные институты или не приживаются или действуют по другому.

### ***«Русская система» и ее противники в прошлом и настоящем***

Очень схематичное и граничащее с карикатурой изображение специфики российской политической системы представлено в концепции особой «русской системы». Согласно ее теоретикам, она сформировалась в результате уникального синтеза западных (Византия) и восточных (Монгольское иго) форм, но не идентична им. Наиболее характерными чертами системы, отличающими ее от западных форм, являются: концентрация собственности и власти в одном центре, закрепощение всех сословий, абсолютный деспотический контроль государства над обществом. В противоположность западному опыту этот тип власти базируется не на равновесии конфликтных социальных интересов, но на интересах самой власти, которая в силу этого не может (а в некоторых интерпретациях – и не должна) быть трансформируема в нормальное правовое государство. Государство не было создано правом – как раз напротив, право есть порождение государства, которое получает возможность контролировать общество через религиозные и моральные обязательства и «диктатуру закона».

Игнорируя возможность сравнения этой «русской системы» с другими традиционными деспотическими государствами, с одной стороны, и с европейскими абсолютистскими монархиями, с другой, эта концепция в ее крайнем выражении отвергает даже факт эволюции данной системы в истории Нового времени и вариативность текущих трансформационных процессов. Вся русская история предстает в виде цикличной динамики двух состояний: механической стабильности в форме автократии (когда власть стабильна) и спонтанной дезинтеграции в форме волнений – «Смутного времени» (когда государство утрачивает контроль над обществом и правящей элитой)<sup>23</sup>. Этот неопределенный термин – «Смутное время», взятый из исторической лексики XVII в., используется специально, чтобы подчеркнуть принципиальное отличие данного рода дезинтеграции от «нормальных» буржуазных революций западного типа, создававших гражданское общество и правовое государство. Российская революция 1917 г., в противоположность французской конца XVIII в. считается в этом смысле не столько «реальной» революцией, сколько конфликтом традиции с внешними деструктивными влияниями. Примитивная динамика стабильность – разрушение подается едва ли не как «железный закон» русской истории, основанный на очень специфическом типе отношений власти и собственности. Стабильность якобы коренится в эффективном и всеобъемлющем контроле государства над собственностью, а нестабильность –

в эрозии этого контроля с помощью «чужеродных новшеств»: капиталистических реформ или модернизации западного типа. Этот квазимарксистский подход в сочетании с психоаналитической терминологией используется консервативными романтиками для интерпретации дестабилизации государства в начале XVII в., его крушения в период революции и Гражданской войны в начале XX в. и коллапса Советского Союза в конце XX в. Отсюда – простое решение: история России есть история смут и их преодоления; когда собственность и власть оказываются разделены, деградация российской системы становится неизбежной, их же соединение символизирует возврат «порядка».

Этот подход является решающим для отрицания романтиками исторических реформ, направленных на модернизацию страны по западным стандартам (от Петра Великого до С.Ю. Витте и П.А. Столыпина). Отмена крепостного права Александром II является предметом интенсивных текущих дебатов между консервативными и либеральными историками<sup>24</sup>. Консервативный взгляд представлен в очень пристрастной и эмоциональной критике социальных и политических стратегий, предложенных русскими реформаторами – «просвещенными бюрократами» XIX в. и конституционными демократами в начале XX в. Они описываются как неорганичные и деструктивные для судьбы России, как главная причина крушения Российской империи и установления большевистского правления соответственно. Сходным образом перестройка, провозглашенная М.С. Горбачевым, и радикальные реформы Б.Н. Ельцина интерпретируются не как естественное следствие дисфункции советской системы, но как настоящая «национальная катастрофа», организованная главным образом западными врагами и русскими предателями<sup>25</sup>. Напротив, позитивные символы национальной идентичности представлены для консервативных романтиков такими личностями как Иван Грозный (представляющий реальным создателем самодержавной системы), Александр III (который остановил либеральные реформы своего отца) и И.В. Сталин (который восстановил систему абсолютной власти после революции и объединил большевизм с русским национальным патриотизмом). Прогрессирующая в СМИ апология сталинизма – ключевой элемент и важная часть этого радикального переосмысления истории и реформирования национальной исторической памяти – деятельность, уже приведшая к распространению деструктивных авторитарных стереотипов в массовом сознании<sup>26</sup>. Подобная интерпретация прошлого включает новую конструкцию социального пространства, темпоральных аспектов исторического сознания и самой сути существования для постсоветского населения.

### ***Почему Россия не Китай: о двух различных стратегиях модернизации***

Едва ли не общим местом в современной консервативной публицистике стало противопоставление двух стратегий модернизации общества новейшего периода – российской и китайской. Преимущество последней усматривается как раз в тех особенностях, которые, по мнению консерваторов, отсутствуют в новейшей русской истории: сохранение и поддержание исторической традиции в ущерб быстрым и радикальным изменениям; отказ от «бездумного» копирования западных стереотипов и институтов; преодоление экономической и технической отсталости без изменения фундаментальных основ национальной и культурной идентичности, а главное – неприятие чуждых народному сознанию институтов демократии западного типа и «противоестественной» доктрины естественных прав человека. В силу этого, полагают консерваторы, результат развития двух стран к началу XXI в. и оказался столь различен: Китай осуществил мощный экономический рывок, избежав российского сценария распада государства, экономики и духовного кризиса общества. Схематично, вывод состоит в том, что современная российская политическая элита должна обратиться к изучению китайской модели модернизации, отказавшись от «отторгаемых» населением западных моделей.

Однако в действительности китайская модель модернизации, как показывают современные исследования, имеет мало общего с ее консервативными российскими

интерпретациями. Во-первых, модернизация в обеих странах на рубеже XIX–XX вв. имела сходный импульс – преодолеть экономическую и социальную отсталость от западных стран в рамках курса ускоренной догоняющей модернизации традиционного аграрного общества. В этом смысле модернизация и там, и здесь изначально включала все компоненты процесса европеизации, проходившего в Российской и Китайской империях вплоть до их крушения в результате либерально-демократических революций – Синьхайской под руководством Сунь Ятсена 1911–1913 гг. и Февральской революции 1917 г. Во-вторых, коммунистическая модель модернизации в Китае (начиная с 1949 г.) вовсе не исключала заимствований, всецело ориентируясь первоначально на «западный» для Китая опыт СССР. Коммунистическая модель, реализовавшаяся, вопреки прогнозам Маркса, не в передовых, а в наиболее отсталых аграрных странах, актуализировала миф социального равенства, соответствовавший уравнилельно-распределительной традиции сельской общины. На этом пути, как показано в современной китайской историографии, Китай не избежал и катастрофических ошибок. Одной из них стала попытка немедленного осуществления коммунизма (индустриализации и коллективизации) по советскому образцу (1949–1957), закончившаяся провалом в силу отсутствия экономических предпосылок (развитой промышленности, созданной в России до революции 1917 г.). Результатом стал китайский аналог ленинской политики военного коммунизма – Большой скачок (1958–1960), приведший к сходным последствиям (тотальному огосударствлению экономики, разрушению финансовой системы и фактической замене денег карточками, а в конечном счете – многомиллионным потерям от голода). Другая ошибочная стратегия состояла в поиске выхода из экономической разрухи путем массовых репрессий – «Великой культурной революции» (осуществлявшейся Мао Цзэдуном формально в 1966–1969 гг., но фактически продолжавшейся вплоть до его смерти в 1976 г.), которая при всех внешних отличиях, имела много общего со сталинским Большим террором 1937 г. и сходные результаты – подавление оппозиции и творческих импульсов в обществе, разрушение культуры, исторических традиций и системы образования, уничтожение старой интеллигенции и установление примитивной репрессивной диктатуры с культом личности вождя<sup>27</sup>.

В-третьих, вопреки консервативным представлениям о господстве традиции в период постмаоистских реформ, китайская политическая элита (в отличие от постсталинской советской элиты) продемонстрировала не только готовность отказаться от предшествующих идеологических догм, проанализировать исторический опыт советского нзпа, но и способность к инновационным решениям – радикальному изменению курса модернизации, в основу которого был положен опыт США и Западной Европы, адаптированный для стран Азии. Экономические преобразования Дэн Сяопина, начавшиеся в 1978 г. после устранения наследников Мао («Банды четырех» – своеобразного аналога сталинистской «антипартийной группы» в советском руководстве), стали полноценной альтернативой маоизму. Она справедливо определяется как «революция сверху» – радикальная реформа, создавшая экономическую систему с наиболее высокими темпами роста в мире (если не во всей истории человечества) и основу последующего длительного периода политической стабильности. Этот успех особенно впечатляет при сравнении стартовых условий начала реформ в СССР и Китае (находившегося в глубоком экономическом упадке после маоизма), с учетом провала советских экономических реформ и стагнирующей экономической и политической системы брежневизма.

В целом опыт Китая, вопреки консервативным романтикам, говорит о необходимости радикальной модернизации, содержательных заимствований и гибкости элиты, способной адаптировать новые идеи к сознанию общества, а не отказываться от них во имя догм или устаревших традиций. То, что в Китае официально именуется «социализмом с китайской спецификой», многие современные аналитики определяют как «капиталистическую модернизацию с китайской спецификой» – последовательное движение в сторону от марксизма к признанию рыночной экономики (своеобразный аналог государственного капитализма) и частной собственности при сохранении номинальных

идеологических постулатов (становящихся все более формальными) и авторитарной политической надстройки. Конечно, научная трактовка «китайского экономического чуда» неоднозначна: для одних оно выражает быстрый переход от традиционного к индустриальному обществу, для других – содержит компоненты постиндустриальной экономики.

В контексте постсоветского развития ключевая проблема современного Китая – соотношение быстрого экономического роста и политической реформы. Если наши консерваторы выступают апологетами особой китайской модели авторитарной модернизации (отстаивая ее необходимость для постсоветской России), то их оппоненты, напротив, подчеркивают неизбежность для Китая потенциального конфликта между развитием рыночной экономики и сохранением однопартийной политической системы. Отсюда вариативность предлагаемых стратегий модернизации в двух странах. Демократическая революция 1990-х гг. в России стала, по мнению российских историков, основой «возвращения России в русло мировой цивилизации», в то время как Китай, сохраняя советскую стратегию политического развития, «рискует повторить те же судьбы, что и наша империя»<sup>28</sup>. Различные прогнозы потенциальной революции в Китае, связывающие ее возможность с кризисом идеологии, финансово-банковской системы, социальными волнениями, ростом национального сепаратизма, или расколом партии, выдвигают в качестве центральной проблемы политическую модернизацию – переход к гражданскому обществу и правовому государству с многопартийной системой и разделением властей<sup>29</sup>. Констатация этих трудностей говорит скорее о незавершенности китайского эксперимента, делая актуальным поиск новой стратегии и технологий политической модернизации. Китаю, следовательно, до последнего времени удавалось избежать сценария крушения СССР именно потому, что его элита обнаружила способность вовремя отказаться от тупиковой модели развития и принять новую стратегию, адаптировав ее к традиционалистскому сознанию населения.

### ***Идея постсоветской Реставрации: содержание и политический смысл***

Предложенная консервативная программа реставрации включает три главных части – культурное и национальное возрождение; социально-экономическую трансформацию общества; политические и конституционные изменения. Главная цель первой ее части – моральное возрождение нации. По мнению создателей романтической программы, моральный подъем возможен путем преодоления психологической дезориентации, воздействия деструктивной антироссийской пропаганды и культурных влияний в стиле Голливуда: прославления злодеяний и культа денег и насилия, ценностный релятивизм, национальный сепаратизм, индивидуализм, эгоизм и сексуальные отклонения, а также таких «лицемерных идей» как терпимость, права человека и меньшинств<sup>30</sup>. Позитивные социальные ценности, согласно этому взгляду, должны основываться на традиционных религиях, поддержке российской национальной и культурной идентичности, патриотизме – «героических традициях наших отцов и дедов», очищении языка и восстановлении традиционных коллективистских добродетелей, переписывании национальной истории (прежде всего учебников истории), новой системе образования, реорганизации науки и исторического образования (существенное место отводится борьбе с «фальсификаторами»). Глубокие изменения ментальных условий включают не только идеологические, но также семиотические аспекты – реформу русского языка с целью очистить его от иностранных слов и символов путем отыскания адекватных эквивалентов в русской или даже старой греко-славянской традиции. Некоторые забавные опыты в герменевтике были предприняты, чтобы создать специальный российский теоретический язык в сфере гуманитарных наук с целью избежать использования интернациональной терминологии (которая является «западной» по определению) и выразить уникальные исторические особенности русской культуры и ее «смыслов» (во множественном числе). Вся эта программа имеет глубокий националистический и клерикальный характер.

Романтическая программа социальных реформ во многих отношениях сходна с европейскими консервативными движениями: возрождение традиционных религиозных и социальных ценностей как истинной основы моральной экономики, поддержка русской нации и ограничение миграции. Экономическая доктрина основана на консервативной трактовке солидаризма (солидарность как взаимная помощь), протекционизме и индустриализме против рыночной экономики, монетаризма и финансовых спекуляций. Критика «виртуальной экономики», актуализировавшаяся благодаря экономическому кризису, охватывает такие темы как структура банковской системы, правительственная (монетаристская) политика финансовой стабилизации и стимулирования, интеграция национальной экономики в международный рынок, что интерпретируется как растущая зависимость от МВФ и ВТО. Частная собственность как таковая не отвергается (как было в условиях переходного периода), но предполагается поставить ее под прямой социальный контроль в рамках партнерства между обществом и крупным бизнесом и ввести прогрессивную шкалу налогообложения. Сохраняют актуальность дебаты о земельной собственности, достигшие наивысшей точки после принятия Земельного кодекса 2001 г. Апелляция к традиционным религиозным ценностям, обычаям крестьянской общины и советской колхозной системы, коллективистскому сознанию и распределительной справедливости являются принципиальными аргументами противников частной земельной собственности. Неужели исторический опыт России и СССР ничему не научил консервативных критиков?

Предлагаемая конституционная трансформация включает такие принципиальные изменения как отмена ценностно-беспристрастного характера позитивного права, светского характера государства и образования, пересмотр и ограничение прав человека и либеральных свобод. Имела место длительная дискуссия о закреплении в Конституции норм о государственной идеологии или принципов национальной доктрины<sup>31</sup>. Среди важных предлагаемых нововведений были антикоррупционные меры, восстановление смертной казни, ограничение роли международного гуманитарного права и компетенции Европейского суда по правам человека в национальных делах, усиление прерогатив служб государственной безопасности, даже новое законодательство о туризме, направленное на снижение популярности заграничных путешествий. Все подобные инициативы различных консервативных аналитических центров были представлены в выдвинутых проектах доктрин государственного суверенитета, государственной и информационной безопасности<sup>32</sup>.

Легитимность конструируемого режима, согласно этому подходу, должна основываться не на демократическом выборе, но на принципе лояльности подданных суверену – государственной власти. В России лояльность верховной власти становится главной идеей правых идеологических доктрин – эклектического смешения старого консерватизма, социализма, национализма, славянофильских и евразийских концепций новой империи. Оказионализм – «магическая рука случая» и вера в провиденциального политического лидера выступает как другая сторона антипарламентских и антипартийных романтических настроений. Язык таких документов сходен с лексикой консервативных романтиков эпохи Бисмарка или Наполеона III и воспроизводит многие идеологические штампы последующих авторитарных режимов XX в.

### ***Программа консервативной конституционной трансформации***

Центральная часть программы конституционных поправок направлена на пересмотр политической структуры государства в отношении таких принципов как конституционализм, федерализм, парламентская демократия и разделение властей, представленных в российской Конституции 1993 г. Были предложены 3 главные стратегии политической модернизации в переходный период: либеральная идея трансформировать систему в «нормальное» правовое государство западного типа (в форме парламентского или смешанного парламентско-президентского режима); прагматичное желание сохранить систему ограниченного плюрализма в течение переходного периода

с ее последующей либерализацией, и консервативная идея восстановить полноценную авторитарную систему, соответствующую историческим формам неограниченной власти в монархической или диктаторской форме<sup>33</sup>. Этот спор важен в контексте разделения путей между различными странами постсоветского ареала: для одной их группы поиск политических альтернатив российской модели был найден в «цветных революциях»; для другой – в правовой модернизации существующих систем; для третьей – в тотальном отказе от конституционных или политических реформ во имя консервативной стабильности и «вертикали власти», даже путем консервации наиболее архаичных элементов действующих политических режимов.

В постсоветском контексте консервативный тренд воплощен в трансформации политической системы от незавершенной демократии к управляемой демократии, конституционному параллелизму и важным изменениям в символических атрибутах власти и стиля правления. Идеологи консерватизма поддержали вектор на создание системы ограниченного плюрализма с «монархическими» prerogative президентской власти, сходными с историческим феноменом мнимого конституционализма, существовавшего в России в период Думской монархии 1905–1917 гг. Однако концепция «суверенной демократии», которая появилась как ответ на этот идеологический запрос, критиковалась правыми консерваторами как недостаточная и противоречивая.

Для того чтобы восстановить «симфонию» в отношениях между обществом и государством, рекомендуется воспроизвести исторические институты, более соответствующие массовому сознанию в форме Земского собора или системы Советов как суррогатных форм представительства. Некоторые авторы идут так далеко, что выдвигают аргументы в пользу восстановления сословной системы, аристократии и даже монархии, доказывая преобладающий характер коллективного духа справедливости над индивидуальными правами человека и необходимость включить индивида в основанную на религии традиционную систему ценностей. В этих кругах стала популярной идея созыва Учредительного собрания с целью принять новую конституцию. Авторитаризм подается как единственная возможность остановить разрушение «национальной идентичности». Конституционализм, напротив, осуждается многими консервативными романтиками как искусственный продукт некритической европеизации. Они выступили в поддержку инициатив по регулированию и ограничению неправительственных организаций, мер против «агрессивного навязывания западной либеральной политической культуры» в других частях мира и провозгласили, что аутентичная русская цивилизация должна основываться на преобладании национального государства, идеологии (в религиозной или светской формах) и соответствующей конструкции харизматического лидерства. Естественной формой этой государственности должна быть империя – сверхнациональная форма правящего класса и правительства (иногда в искусственно восстановленных архаичных формах). Преобладающая роль русской нации как «государствообразующей» должна быть обеспечена в этой империи фиксированными правовыми нормами, включенными в Конституцию или в законы. Высшие принципы российской государственности должны быть сформулированы и официально декларированы в качестве «национальной доктрины». Возможным результатом этой программы конституционной трансформации может стать возрождение социального утопизма – идеи переструктурирования мировой повестки в понятиях консервативных ценностей, национальных интересов и авторитаризма, экспорта консервативной мессианской культуры в другие страны мира с целью остановить «гуманитарный империализм Запада» и подрывную активность скрытого «глобального правительства».

### ***Злоключения добродетели: доктринальные противоречия и практические трудности политической романтики***

Новая политическая романтика, как и ее более ранние модификации<sup>34</sup>, не является гомогенной философией или социальной практикой и представлена в современном российском политическом контексте тремя главными направлениями: 1) чистая форма

старомодной романтики как воплощение аутентичного российского дореволюционного консерватизма или консервативного либерализма, который определенно противостоял революции и видел культурную и политическую альтернативу ей в национальном духе и общей ностальгии по историческим формам допетровской социальной и политической организации; 2) новая романтика, ориентированная на активное решение современных проблем, таких как глобализация, национализм и поиск идентичности. Социальная теория этого движения представляет собой эклектичную комбинацию постмодернистского философского релятивизма, идей христианской демократии, банального антиамериканизма и авторитаризма, имеющих европейское происхождение, в сочетании с доморощенными идеями. Элементы этой теоретической традиции были представлены в российской постреволюционной эмигрантской мысли и стали источником вдохновения для современных консервативных романтиков. Основные идеи взяты из идеологического наследия европейского национализма: корпоративизм, солидаризм, «труд и порядок»; религия и личное подвижничество; священный характер высшей государственной власти, поиск национальной идентичности в многонациональном государстве; 3) радикальная политическая романтика, которая во многих аспектах сходна с ранними фашистскими доктринами. Базовые идеи этого направления – крайний национализм (даже в форме расизма), интерпретация политики в категориях «друг/враг», авторитаризм как исторически предопределенная судьба России. Политическая цель этого направления – «консервативная революция»: радикальная трансформация режима с целью осуществления «национальной миссии» в мире и создания национальной (этнически «русской») империи путем жесткого подавления оппонентов (либералов, мигрантов, различных меньшинств).

Главные противоречия между этими тремя течениями охватывают наиболее жизненные темы новой романтической политической теологии, находящейся в состоянии конструирования. Споры касаются, во-первых, концепции российской цивилизации (должна ли она базироваться на религиозных, национальных или этнических приоритетах); русской нации (культурная, гражданская или этническая интерпретация нации, различное видение исторических стадий развития и будущих перспектив в свете этого критерия); проблемы государства и суверенитета (противоположные трактовки демократии и империи или их примирение в гибридных формах). Во-вторых, по-разному понимаются роль исторической традиции и природа правосудия и социальной справедливости (правовая, распределительная или традиционная формы). В-третьих, нет единства в представлениях о предполагаемой Реставрации (как постепенного возврата к историческим формам или как радикальной консервативной революции), природе «русской системы» и возможности трансформировать ее в будущем (архаическая и модернизированная версии), о степени необходимой интеграции страны в глобализированный мир и др.

Проблема демократической консолидации есть в то же время проблема когнитивного диссонанса в обществе – ситуации, когда индивид не может согласовать различные установки восприятия мира или преодолеть противоречие между собственными убеждениями и внешним поведением. Обычно эта ситуация становится стимулом для создания новой системы убеждений, соответствующих изменившимся поведенческим установкам. Ситуация когнитивного диссонанса типична для транзитарных обществ. Конфликты между установленным позитивным правом и правовым сознанием, между социальным идеалом и рациональным выбором, между идеей социальной справедливости и эффективного управления – отражение этого когнитивного диссонанса. Социальная функция романтического интеллектуального движения состоит главным образом в психологической терапии социальных неврозов, эмоциональной адаптации традиционного сознания к изменившемуся обществу. Как политическая доктрина консервативная романтика может быть использована для различных целей: для создания новой системы ценностей; для консолидации общества, правящей элиты и части интеллектуалов вокруг идеи стабильности, солидарности и контрреволюционного сознания; для легитимации авторитарной политической власти как воплощения российской

исторической специфики; для противостояния «подрывным» проектам национального сепаратизма, либерализма и вестернизации; наконец, для обретения властью возможности гибкого маневрирования между различными идеологиями и программами.

### ***Романтика, знание и этический выбор профессионального сообщества***

Новая романтическая политическая теология, очевидно, оказывается в остром противоречии с современной наукой. Постмодернистская логика романтических визионеров в принципе противостоит логике современных ученых, которая основана на эмпирическом изучении и верификации, научном прогнозе вместо предсказания, интуитивного предвидения или метафизических спекуляций. Эклектичный романтический сплав абстрактных моральных императивов, теорий искусства и случайных элементов социальной практики не может быть доказан или опровергнут в категориях научного знания. Апокалиптическое видение современной цивилизации, идея национального спасения или выживания в форме самоизоляции исключает эффективную интеграцию российского общества в глобальную реальность и ведет к отчуждению, стагнации или разрушению социального единства.

Решающее противоречие постсоветской консервативной политической романтики, что справедливо и для исторических форм этого феномена, имеет когнитивный характер: резкий разрыв между романтическим идеалом стабильного гомогенного общества и закрытого государства, с одной стороны, и новыми тенденциями к глобализации, модернизации и свободному обмену информацией, – с другой. Концепция постсоветской Реставрации в форме вечного возвращения к традиционным историческим формам общественного существования и авторитаризму или в форме консервативной революции есть искусственная идеологическая конструкция, противостоящая новым формам социальной и когнитивной адаптации.

Проблема этического выбора профессионального сообщества в таких обстоятельствах представляет чрезвычайную важность. Должны ли мы принимать суррогатные продукты квазисоциологических методов интерпретации и наивные романтические рассказы о прошлом и будущем как особую форму «арттерапии», или нам следует нарушить молчание и сделать их объектом интенсивной критики, обращая особое внимание на агрессивные стороны романтической политической теологии? Возможный выход из когнитивного тупика консервативной романтики, как представляется, мог бы быть найден в глубокой реформе высшего образования – формировании нового креативного типа личности, способной критически анализировать социальные данные, самостоятельно осуществлять ориентацию в прошлом и настоящем, принимать решения в динамично изменяющемся мире и готовой отбросить социальные стереотипы, ментальные предрассудки и неподвижные когнитивные рамки. Таким образом преодоление политической романтики во всех ее проявлениях, представленных, в частности, в современной историографии, становится актуальным направлением модернизации научной и общественной мысли.

### **Примечания**

<sup>1</sup> Теория и методология когнитивной истории: «Круглый стол» // Российская история. 2010. № 1.

<sup>2</sup> Schmitt C. Politische Theologie. Berlin, 2004.

<sup>3</sup> Российский консерватизм середины XVIII – начала XX в. Энциклопедия. М., 2010.

<sup>4</sup> Российский либерализм середины XVIII – начала XX в. Энциклопедия. М., 2010.

<sup>5</sup> Общественная мысль российского зарубежья. Энциклопедия. М., 2009.

<sup>6</sup> Государственная дума Российской империи, 1906–1917. М., 2006.

<sup>7</sup> Программы политических партий России конца XIX–XX века. М., 1995.

<sup>8</sup> Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. М., 2011.

- <sup>9</sup> Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.
- <sup>10</sup> Россия и Запад: Что разделяет. Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2009.
- <sup>11</sup> Место России в Европе и Азии. М., 2010.
- <sup>12</sup> Образ России с центрально-европейским акцентом. Материалы международной конференции. Будапешт, 2010.
- <sup>13</sup> Запад–Россия–Восток в исторической науке XXI века. Материалы международной конференции. Саратов, 2011.
- <sup>14</sup> Дискуссия о феномене постсоветской ностальгии: The Soviet Legacy and Nation-Building in Central Asia. The 4th Korea-Central Asia International Conference // APRC Proceedings Series. 2011. № 4.
- <sup>15</sup> 100-летие «Вех»: Интеллигенция и власть в России. 1909–2009 // Российская история. 2009. № 6.
- <sup>16</sup> Государство и нация в России и Центрально-Восточной Европе. Материалы международной научной конференции. Budapest, 2008.
- <sup>17</sup> Подобные идеи представлены в материалах ряда новейших академических дискуссий. См.: К 90-летию Февральской революции // Отечественная история. 2007. № 6.
- <sup>18</sup> Billington J.H. Russia in Search of itself. Baltimore; L., 2004.
- <sup>19</sup> Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011.
- <sup>20</sup> Национальная идея и жизнеспособность государства. Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2009.
- <sup>21</sup> Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М., 2010.
- <sup>22</sup> Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. М., 2009.
- <sup>23</sup> См.: Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания: «Круглый стол» // Отечественная история. 2008. № 6.
- <sup>24</sup> Уроки Великих реформ. М., 2011.
- <sup>25</sup> О несостоятельности этих взглядов мне уже приходилось писать, см.: Медушевский А.Н. Перестройка и крушение СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6.
- <sup>26</sup> См. данные социологических опросов: Историческая память в Российском обществе: состояние и перспективы формирования. М., 2010.
- <sup>27</sup> Fairbank J.K., Goldman M. China. A New History. Cambridge (Mass.), 2006.
- <sup>28</sup> Сахаров А.Н. Исторические обретения на рубеже XX века. М., 2011.
- <sup>29</sup> Chang G.G. The Coming Collapse of China. L., 2002.
- <sup>30</sup> Будущие угрозы человечеству и России. Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.
- <sup>31</sup> Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009.
- <sup>32</sup> Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте. Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2009.
- <sup>33</sup> 15 лет Российской Конституции // Отечественная история. 2008. № 6.
- <sup>34</sup> Schmitt C. Politische Romantik. Berlin, 1998.